

Случай над Мальтой

В самый разгар африканской кампании лета 1942 года- полковник Эрих фон Фальгаген «вышел из игры». Трагический случай швырнул его «Хейнкель» с высоты 4 000 метров в бездну Средиземного моря, и только искусство пилотирования позволило фашистскому ассу избежать гибели и вывести машину из смертельного пике.

Тем не менее английский снаряд навсегда оборвал летную карьеру Эриха фон Фальгагена. Ему с большим трудом удалось довести подбитую машину с трупом штурмана до аэродрома, и только на земле он почувствовал тупую боль, приковавшую его к сиденью.

В госпитале после ампутирования раненой ноги полковник располагал избытком времени, чтобы осмыслить происшедшее. Только один вывод напрашивался в результате размышлений: «Его личная неудача явилась следствием поражения немецкой авиации над Мальтой». Эта страшная катастрофа грянула, как гром с ясного неба, так как тщательно подготовляемые операции исключали, казалось бы, всякую возможность провала. Он вспомнил обстановку. События в то время складывались превосходно. Роммель победоносно продвигался к заветному Нилу. Англичане под ударом германского оружия терпели поражения.

Наступило время решительных действий против последнего оплота британского могущества на западной части Средиземного моря — острова Мальты. Эта первоклассная военно-морская крепость, созданная англичанами на большой морской дороге из Гибралтара в Суэц, представляла собой твердый орешек. Но германское командование стянуло против английской базы воздушные армады, и лично Геринг строго напутствовал авиационных начальников. Собственно говоря, планы германского командования в значительной мере строились на искусстве ночного бомбометания эскадры полковника Эриха фон Фальгагена. Эти планы казались безошибочными и точными: блокировать Мальту с воздуха. Днем и

ночью подвергать ее непрерывной бомбардировке, не давать противнику ночью восстанавливать разрушенное и именно в это время обрушивать на него самые тяжелые удары. Затем — воздушный десант, и над старинным британским островом взвивается, всепобеждающая свастика. Таковы были планы. Весь мир помнит, как они осуществлялись. Солнце над Мальтой померкло, заслоненное немецкими самолетами. Но в первые же дни воздушного наступлений германская авиация начала нести огромные потери. И самое удивительное — ночью они были не меньшими, чем днем.

За долгие годы работы в воздухе у полковника фон Фальгагена выработалось чувство презрительного пренебрежения ко всем средствам, зенитной обороны. Серьезного противника он видел лишь в истребительной авиации. Но как раз истребителей на Мальте было очень немного. И тем не менее в первой же операции над островом один из лучших летчиков-ночников, капитан Мольтке, умудрился потерять две трети вверенных ему боевых машин. Это было потрясающим, и совершенно непостижимым событием. Ведь Мольтке летал в темную ночь, — в эту пору только сумасшедший мог изображать беспомощную мишень для английских зениток. Полковник подумал, что Мольтке и в самом деле рехнулся когда в ответ на его придирчивые вопросы выжимал из себя одни и те же слова:

— Не могу понять, господин полковник, но в зоне операции не было ни одного английского истребителя.

— Вздор, чушь... Быть может, вы будете утверждать, что все ваши машины были разбиты зенитными орудиями?

После того как командир второго отряда вообще не вернулся из операции и оставшиеся в живых оправдывались в штабе так же беспомощно, и нелепо, как Мольтке, душевное равновесие полковника Эриха фон Фальгагета было нарушено. Ощущение ясности задуманной операции сменилось у него

беспокоящим чувством неопределенности. В его сознании стерся изученный до последней лагуны четкий рельеф Мальты. Цель вдруг оказалась непонятной и загадочной. Тогда Эрих принял свое роковое решение: нарушить так хорошо разработанный «график победы» мальтийской группы немецкой авиации, как нарушаются в исключительных случаях расписание поездов. Такое решение противоречило неукоснительным правилам германской армии. Но командующий, сам озадаченный чудовищной убылью в людях и в технике, сравнительно легко согласился с доводами Эриха и приказал прервать на одну ночь операцию бомбардировщиков. Этой паузой воспользовался полковник фон Фальгаген. Он твердо решил лично установить причины, трагических фактов, чтобы принять меры к недопущению нелепых происшествий в воздухе, сказавшихся на ритме всей мальтийской операции.

Как только стемнело, его самолет вырулил на ВПП. Вскоре двухместный «Хейнкель», который пилотировал сам командир эскадры и на борту которого находился один из лучших штурманов, исчез в темном небе. Ночь выдалась темная, беззвездная. В такую ночь случайно заблудившийся в небесных просторах летчик едва да сохранит в себе спокойствие и уверенность. Но для Эриха фон Фальгагена это было родной стихией. Он уже давно свыкся с ней и пришел к заключению, что летчики, овладевшие методом слепого полета, находятся в большей безопасности, чем самый искусный пилот, оперирующий в солнечный день. В этом умозаключении была своя логика. Обнаружить самолет в темноте, поймать и осветить его лучом прожектора, навести на него истребителей и зенитные орудия — все это задача куда более мудреная, чем борьба с самолетами при ясной видимости. Сколько ухищрений какие огромные усилия прилагает противовоздушная оборона в борьбе с ночными бомбардировщиками и как часто

эти усилия оказываются тщетными! Полковник забирался все выше в выше, и только на высоте 4 000 метров он выровнял машину и, прибавив газ, пошел строго на цель, курсом на юго-запад. Обычная самоуверенность владела им безраздельно. Ни на одну минуту он не задумывался над тем, что его может постигнуть судьба Мольтке и других летчиков. С каким-то злорадством думал он о том, что только один немецкий самолет встревожит сейчас всю систему английской обороны. Сидящие там, на этом острове, конечно, не знают, что сегодняшней ночью им дана передышка. Рокот его моторов они примут лишь за первый вестник новой волны немецких бомбардировщиков. Пройдут минуты, и небо над островом вспыхнет заградительным огнем. Знакомая картина! И чуткие звукоулавливатели тщетно будут ловить вслед за звуком одного самолета звуки десятков других. Внезапно взгляд его поймал светящийся циферблат часов, и он тотчас же с беспокойством подумал, что остров подозрительно долго хранит невозмутимое молчание. Словно угадав мысль полковника, штурман лаконически отрапортовал:

— Мы над целью.

И вдруг в темном пустом пространстве вспыхнула молния разрыва, и воздушной волной машину отбросило в сторону. Это было так неожиданно, что у Эриха захватило дух. Ему показалось, что вспышка возникла ниоткуда, из самой мглы, которая, как океан, окружала одинокий самолет и была безграничной в этот час. Снова разрыв. Совсем близко от самолета. Повинуясь велению инстинкта, Эрих отжал штурвал, ведя машину в пике. Вой винтов. Свист крыльев, бешеный огонь велся с такой точностью, как будто самолет был освещен тысячами солнц, секущих воздух. Но как только машина выровнялась, град осколков ударил по фюзеляжу. Происходило нечто чудовищно-непонятное. С далекой земли, по-прежнему окутанной непроницаемой мглой, самолет обстреливали, как ясно видимую

цель. Теперь Эрих увидел игру прожекторов, но их лучи, словно нарочно, лениво скользили вдали от поля боя. И тем не менее огонь велся с такой точностью, как будто самолет был освещен тысячами солнц.

Несомненно, англичане видели самолет. Но как они могли видеть в такой тьме? Эта была последняя мысль, промелькнувшая в голове немецкого полковника, перед тем как прямое попадание снаряда превратило послушный «Хейнкель» в дырявую, плохо управляемую машину.

Все, что произошло потом, могло казаться чудом. Самолет быстро терял высоту, как бы увлекаемый бездонными глубинами Средиземного моря.

На этот раз смерть не пожелала воспользоваться своим правом. Жизнь свою полковник сохранил, но что эта за жизнь!

Эрих уткнулся в подушку. Злоба душила его. Он проклинал свою судьбу, весь мир, и Мальту неприступную и таинственную...